

Истории Тимофеева-Ресовского, рассказанные им самим

ФОНОГРАФ

Н. В. Тимофеев-Ресовский дома во время беседы. Обнинск. 1974 г.

Приключения военные и гражданские

Когда началась революция, я попал сперва на германский фронт, потом на гражданскую войну, в 12-ю Красную Армию*, на Деникинский фронт, поступил в университет. В общем, тут началась у меня мешанина из университета и всяких гражданских войн. Я то воевал, то попадал в Москву и сразу в Зоологическом музее садился за моих формалиновых и спиртовых рыбок. А денежки зарабатывал преимущественно в качестве грузчика. Я на подъемную силу и всякую такую вещь был здоров, а грузчиком тогда было работать очень выгодно: карточки первой категории и дополнительные карточки, плюс всяческий блат, так сказать, сверхинтеллигентский.

До того я одно лето проработал пастухом в Тверской губернии. Это тоже очень выгодно. И, кроме того, это приятнейшая должность. Из всех профессий, которые я за жизнь свою перепробовал — это, пожалуй, самая приятная профессия: бессловесные скоты, приятная компания, коровы в основном. Я пас совхозное стадо в одном из первых совхозов Тверской губернии. Был, конечно, бык и, так, около полуста коровок. Причем бык был мощный, но какой-то дурашливый, всегда плелся позади стада. Стадо я получил от своего предшественника, пастуха из военнопленных сербов, из австрийской армии, Пурчила. Пурчил был замечательный пастух, он и дома у себя в Сербии пастушествовал. Он приучил коровок к нескольким сербским песенкам, которые насвистывал или напевал, я у него перенял эти сербские песенки и корову Варьку. Крупная была пегая корова, умная такая, солидная корова была. И вот мы, так же, как до

Здесь и далее речь идет о 12-й армии Южного, затем Юго-Западного фронта.— *Ред.*

MAMAMA

ФОНОГРАФ

MAMAMA

меня Пурчил с ней в обнимку, я с ней в обнимку так впереди стада шествовал, а стадо за нами. И была у меня хорошая, тоже за три года плена Пурчилом выдрессированная, собака пастушеская, системы надворный советник — беспородная. И очень хорошо это время я провел.

А еще до того, на фронте немецком недолго пробыв, я стал вахмистром. Это по-теперешнему значит старшина в кавалерии, так как я в казацкой части служил. В 17 году, собственно, кавалерия-то на фронтах была вся спешена, и в окопы нас загнали, так что мне шли кавалерийские унтер-офицерские чины, а служил-то я в пешем строю. Это потом привело к ряду таких анекдотов, которые со мной происходили уже в Красной Армии: по бумагам я вахмистр, а конного строя как следует не знаю. Я всегда потом уже хвастал, что в вахмистры был произведен примерно одновременно с неким товарищем Буденным. Он тоже был вахмистр царского времени. Но он потом кое-какую карьерку сделал, в маршалы вышел, ну а я так вахмистром и остался. Правда потом стал помощником взводного командира, уже в 12-й Красной Армии. Но высоких чинов не испробовал. Вот.

В Москве же, когда попадал в Москву, по протекции, оказанной Владимиром Дмитриевичем Бонч-Бруевичем, был такой старый большевик, приятель Ленина и первый управляющий делами Совнаркома, Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич. По специальности он был гуманитарий какой-то, филолог или литературовед. А занимался всю жизнь всякими раскольниками, староверами, сектантами. У него была колоссальная картотека всяких поповцев и беспоповцев, и хлыстов, и бегунов — черт-те кого. Вообще же, был большевик старый, но богатый, барственный такой, из помещиков, по-моему, бессарабских он был родом. Ко мне имел весьма косвенное отношение. Дело в том, что одна из моих теток в Петербурге в 1905 году его от городовых где-то под диваном прятала или что-то в этом роде. И он это запомнил, и к нашему семейству относился хорошо. И когда нам всем стало плохо и жрать нечего, он нас старался немножко опекать: устроил меня грузчиком в Центропечать, а это было тогда выгодное очень занятие. Не такое выгодное, как пастушество, конечно. Когда я был пастухом, я за это лето заработал, наверное, раз в десять больше ординарного профессора Московского университета.

Но тут тоже мы кормились — в артели грузчицкой. Артельным у нас был такой Иван Иванович, пожилой рабочий, от Грачева из Охотного ряда. Мы получали какое-то жалование, которым никто не интересовался, в Центропечати, потому что тогда лимоны были — миллионы, на них купить все равно ничего нельзя было. Но вот карточки получали хорошие, Бонч нам устроил: каждый грузчик получал по три столовых карточки в третью столовку Совнаркома отеля «Метрополь». Ресторан этот, знаменитый «Метрополь», был уже превращен в советскую столовку.

Кормили там, чем положено: жиденькой пшой, жиденькая на водичке пшенная каша. Чехов был в те годы переиначен, и говорили, что ржа ест железо, тля ест траву, а пша душу. И затем — карими глазками. А карими глазками у солдат называлось вот что: в воде разваривались воблиные головы. Сушеные воблы. Теперь есть такой редкий продукт, за которым моментально почему-то хвосты выстраиваются. А раньше это была пища нищих и самое дешевое, что есть на свете. Когда жрать человеку нечего, он пару вобл сжирал с краюшкой хлеба. Их о камень побьешь, побьешь, потом есть можно. Вот головы отрезали и варили в воде. Они совершенно разваривались. Чуть-чуть бросали, что есть: какой-нибудь травки, капустных листьев иногда, ежели были, затем немножко пши. А главное, головы эти разваривались совершенно, из них вываливались глаза, черепа; черепушки топли на дно, а глаза всплывали на поверхность. Поэтому и назывался этот суп: «Ах вы, карие глазки!»

Мы имели по три талона. Получишь три супа таких, осторожно лишнюю воду сольешь, и получается миска вот этих концентратов карих глазок. И потом туда же вот эту — «...а пша душу...» второе, так называемое. Потом полагалась осьмушка хлеба или жмыхов: черная такая клякса. Но три осьмушки — это уже четверка с половиной хлеба — фунт, не кило, а фунт. Да по дополнительным карточкам нам полагалось лишнее. По первой категории четверть фунта, да по дополнительным карточкам — еще четверть фунта. В общем этой черной массы три четверти фунта — и питаться можно было.

Кроме того, Иван Иванович, наш артельный, организовывал вот что. Тогда редко поезда какие-нибудь ходили. И вот в Москву со всей России, из провинции приезжали всякие уездные, волостные комиссары, такие дяденьки в кожаных тужурках, на поясе пушка висит, за литературой и бумагой. Мы

Истории Тимофеева-Ресовского...

должны были их погрузить. У нас была упаковочная в Центропечати и там рогожные тюки большие. Мы получали дополнительные карточки и считались на самой тяжелой работе, потому что у нас эти тюки были пяти- и семипудовые. Действительно, особенно по ступенечкам носить, даже на лесенку небольшую, семь пудиков на спинозе вроде скучновато, можно сказать. Мы работали, однако, таскали с восьми до четырех, восьмичасовой рабочий день. А после четырех я смывался в университет, а вечером кружок у нас был, так что время было занято все.

Так вот, Иван Иванович узнавал, когда приезжает за бумагой и книжками комиссар с машиной; тогда в Москве буквально по пальцам можно было пересчитать грузовики, которые работали на автоконьяке: на смеси спирта с газолином... Это все не наука, что я вам рассказываю, а серьезные вещи... Грузовиков этих было несколько, и они обыкновенно давались какому-нибудь комиссару буквально на короткое время прямо на уходящий состав свои тюки привезти, перегрузить в вагоны. Вот Иван Иванович всегда узнавал, когда какой-нибудь комиссар прямо на отходящий состав грузился. И тогда нам отдавал приказ: «Ребята, не спешите». К четырем часам мы не успевали погрузить товарища провинциального. И тогда вступал в действие демагог это был я, «c'est moi». И начинал, значит, демагогические словеса о том, что крови нашей попили вдосталь, значит, которые буржуи, вот вроде вас, дорогой товарищ в кожаной куртке, когда мы почти без порток... А теперь четыре часа пополудни, и нашей работе конец, так что здоровы будьте, прощевайте, завтра продолжим. Ну, он тут сперва хватался за пушку и, вообще, пускал не истмат и диамат, а просто мат и, вообще, кипятился. Ну, тут мы ему говорили, что ты, голубок, не забывай, ты не у себя в Тьмутаракани, а в столичном городе Москве, и веди себя, а то мы у тебя и пушку отберем, и шапку отберем, и еще накладем тебе. И все равно ничего не получишь. Так его приводили в божеский

А Иван Иванович ему сторонкой в это же время начинает умекать, что оно, конечно, ежели посмотреть с точки зрения... то открываются, ежели можно так выразиться, возможности... и конечно, оно того... мы... с другой стороны и не того... Конечно, времена революционные, но, однако, что есть революция по сравнению с человеческой жизнью. Одним словом, он, значит, совершенно уже затихал, мы тоже затихали. Тут шофер обыкновенно принимал участие, то на нашей стороне, то на евонной, все никак не мог разобраться, к кому ему выгоднее подмазываться: видит, что сила-то на нашей стороне, вроде как... столичные советские люди, а этот неизвестный, может, он какой-нибудь разбойник провинциальный, не разберешь тогда, махновец какой-нибудь или что еще. Одним словом, отдавал он нам всю наличность, которая при нем была, кожаный пояс: он на подметки тогда был очень в цене, ежели хорошая шапка, так шапку. Он предлагал нам пушку свою — мы не брали: это нам без надобности, это вы там бандитствуете где-то, а мы живем в столице нашей Родины Москве, и нам леворверты без надобности, потому что у нас опасность от попрыгунчиков... А тогда в Москве попрыгунчики были в белых простынях... попрыгунчики вроде духов, в них из пушки стрелять не будешь.

В общем, пока все эти разговоры и ругань шла, был у нас Ванька такой, малец лет 16—17, здоровый вообще парень, но глупый, грязный всегда он был какой-то, раздрипанный, но специалист своего дела: он у всех московских грузовиков знал, где дырочка, через которую можно выпустить автоконьяк. А у нас была артельная такая баночка, вроде бидончика металлического. Пока мы торговались, он через дырочку из грузовика-то выпускал честно автоконьяк, оставляя немножко на дорогу до вокзала, честно работал. Когда он выпустит автоконьяк, мигнет нам, тогда мы быстро, в четверть часа набросаем эти тюки семипудовые — и катись.

Мы шли тогда в полуподвальный бывший возчичий трактир на Сретенке. Он оставался в каком-то таком полувиде: не известно, то ли он был частный, то ли он был государственный. Он, конечно, государственный уже был, советский трактир, но, с другой стороны, хозяин бывший за стойкой стоял, заправлял делом, пара половых там была. Мы приходили с автоконьяком. Себе оставляли по чарочке — гадость ужасная! А остальное шло трактирщику. И за это мы получали настоящие щи суточные с убоинкой и по краюхе не совсем жмыхового хлеба, черный тоже и непропеченный, но все же похож на хлеб. И иногда даже, ежели была, какой-нибудь пши туда же в щи вываливали и наедались как следует. Ну а потом я шел к рыбам, конечно. Вот так мы жили.

Я-то все время прерывался, потому что опять попадал на фронт. Я мог бы и избегать всего этого: фронтов и прочее, но у меня всю жизнь было чувство

MARARA

ФОНОГРАФ

MAMAMA

неловкости попадать в какие-то более или менее исключительные условия. Ежели все воюют — надо воевать. Ежели все голодают — нужно голодать. Ну, голодать... все голодающие стараются что-нибудь отхватить, конечно, и наесться. Ну, и я старался отхватить и наесться, но попадать в какие-нибудь исключительные условия неприятно. А воевали мы тогда разутые, раздетые, голодные, холодные. Ужас! ужас! ужас! Но ничего.

Сперва деникинцы нас до самой Тулы прогнали, а потом мы их аж до Черного моря взад отогнали. Так что война была веселой, подвижной тогда. Мы, я помню, месяца полтора, наверное, против Дикой дивизии воевали. Они у мужиков бессловесный скот брали, а нам птица оставалась только. Когда они откатывались, они скот весь сжирали, а как-то за всем не угонишься, и кур, уток, гусей — это мы уже приканчивали, так что после обоюдной гражданской войны мужички-то оставались того... при пиковом интересе.

Я не знаю, насколько я вам ясно описал стиль тогдашней жизни: смесь ученья, слушанья университетских лекций, кружковщина, работа грузчиком, работа в Зоологическом музее, периодически прерывалось все это военногражданскими эпизодами. В общем, по-моему, жизнь была веселой: мало-мало голодали, мало-мало холодали — все такое. Но люди мы были молодые, здоровые, крепкие. Жили мы, сколь ни странно, в общем, довольно-таки вне политики. Я принадлежал к тем людям, которые сознательно не попали, скажем, в эмиграцию, к белым. Не по политическим причинам. Я отнюдь не был ни коммунистом, ни сицилистом, ни каким другим стрекулистом, а просто я считал, что нужно быть в пределах границ своего отечества. И все. И сражаться с тем, кто извне в границы моего отечества приходит.

Я был достаточно грамотным человеком, чтобы видеть, что белое движение несерьезное, что дюжина самых разнообразных течений — все это сдобрено буржуазной спекуляцией. Мне пришлось побывать в Киеве времен гетманщины, когда я возвращался с Юго-Западного фронта. Меня там забрали, мобилизнули в синие жупаны. Я оттуда «втик на коню» и со своей обмундировочкой казацкой до Москвы — и все.

Там были со мной приключения: при бандитах пришлось поработать, меня бандиты «анархысти, ученыки самого пана князя Кропоткина» пымали, предшественники французовских банд, задолго еще до Махно, на Десне зимой. И я бы там, наверное, пропал, но угодил в банду пана Гавриленко такого, который говорил: «Я же учэнык самого пана князя Кропоткына». Тогда я не выдержал и сказал: «А ты его видел когда-нибудь?» — «Та ни, но я же учэнык его». Я говорю: «А я внучатый племянник ему». Что, действительно, истине соответствует, потому что Кропоткин был двоюродным братом моей бабушки, так что я ему двоюродный внучатый племянник. И я с бабушкой после революции, когда он вернулся в Москву, бывал у него несколько раз, и мы с ним тогда еще спорили о некоторых эволюционных проблемах, и я неправильно тогда его понимал.

Он умный был старик. По поводу его книжки «Взаимопомощь как фактор в борьбе за существование» — очень умная книжка. Ну, и потом много расспрашивал его, он же крупный географ и создатель, собственно, основ современной теории ледникового периода. Вообще, очень интересный ученый и замечательный барин. Я помню тогда шибэдиком с ним спорил, и он на равных правах со мной спорил, кормил нас с бабушкой подаренным ему Лениным малиновым вареньем к чаю. Ленин ему чай подарил и малинового варенья. Они же с Лениным всегда теоретически спорили, он же не признавал многих вещей марксистских, но Ленин очень хорошо к нему относился всегда. Кропоткин к Ленину тоже.

Вот я у Кропоткина несколько раз поел ленинского варенья. И я тогда этому пану малиновым вареньем заткнул глотку. И тогда он невероятным уважением ко мне возгорелся. Но эта работа была трудная. Было нас 14 человек. Все. Мы должны были фуражировать и гнать немцев. Я почему остался у них? Потому что они занимались полезным делом: гнали немцев с Украины. Немцы уже тогда ужасно гнусно себя вели. Ну, и я остался. Да, и встретил там, в банде, среди этих 14 кавалеристов, своего товарища еще по гимназии Чикунова, казак тоже был.

Но это очень тяжелая работа. Мы сутками прямо не вылезали из седла, потому что нам надо было нападать на крупные немецкие подразделения с обозом. Главное было... черт с ними, с немцами без обоза, нам их нечего было и бить — сами себя добьют, а вот обоз у них отбить. А обозы не меньше как у батальона бывали. А нас-то четырнадцать сабелек. Но мы разработали хорошую тактику: рассыпались уже в темноте, нашпандоривали коней, орали

«ура» и стреляли. И немцы обыкновенно никак не могли разобрать, сколько нас. Нам хохлы доносили, где они на ночевку устроились, где обоз расположен, главное — обоз. Сразу мы обоз окружали и отбивали. Но тяжело, тяжело было. Все мы были легко ранены, довольно часто попадали пульки.

Раз мы влипли капитально. Хутор большой, где немецкий батальон с обозом расположился: там Десна замерзающая, с наберегами уже ледяными, тут, значит, шлях, а тут опушка леса, из дикой груши колючки, и никак через них не пробраться, через Десну тоже невозможно: она полузамерзшая. И мы, значит, напали на немцев. Но, во-первых, нам хохлы не донесли по глупости, что у них пулеметная рота. Это тогда нововведение было. А под пулеметами неприятно. Серые мужички, они больше артиллерии боятся: хлопает, взрывы, бахает и все такое. А наш брат, полуинтеллигент, так сказать, опасается больше пулеметов от воображения: вот лежишь на земле под пулеметами и представляешь себе: чешет пулемет. И достаточно ему, сукину сыну, немножно нос опустить, и прямо по спинозе проедет. От воображения больше страх.

И вдруг нам в тыл эскадрон целый немецких улан, тоже конные. Значит, наше конное преимущество отпадает. И тут мы с Чикуновым впервые применили на практике теорию вероятности и математическую статистику. Нам карачун: впереди пулеметы, сзади примерно сто сабель. Всех нас перебьют, и дело на этом кончится. И потом удивятся, дураки немцы, что нас только 14 человек. А мы уже у них убили-то больше. Тогда мы решили, что единственная возможность в темноте: разогнать лошадей в карьер и через эскадрон. Просто, значит, шашки наголо, «ура» и кто-то пробьется. И, действительно, получилось даже не фифти-фифти, а полегли семь человек, а пробились восемь. Причем сначала думали, что наоборот: лег я тоже.

Мне на войне всегда везло... По-видимому, когда я врезался в этих улан, кто-то из них попал мне здорово шашкой по башке плашмя. Я с коня своего сковырнулся на дорогу, на шлях и без сознания пролежал там. По-видимому, меня сочли за убитого, никто мной не интересовался, как раз на опушке этих колючек. Я поздно уже, ночью, скорее под утро, на небе звезды, очухался, попробовал встать. Гляжу — цел! Страшно башка болит, громадные две шишки на башке. Папаха у меня была, куда-то она делась, я ее тут рядом не нашел, и конь мой, конь казацкий был, стоит себе, обгладывает какие-то кустики, ждет. Я влез на него и к утру нашел свою банду. Чикунов — на нем, по-моему, оказалось около двадцати легких ран, и пулевых, и сабельных — как котлетка. Ну, ничего, через две недели совсем выздоровел. Пан Гавриленко нас всех от ранений лечил коньяком шустовским. Где-то он царапнул энное количество коньяку, для антисептики снаружи рану трактовал коньяком и выстиранными портянками, и внутрь выдавал чарку.

Я вот вскоре после этого и сказал: «Я тебе отработал, пойду соби до дому, аж к самому пану Кропоткину». Он мне все вручал всякие драгоценности, очень благодарил, все такое, какие-то золотые часы, портсигары. Ну, как полагается, какой-нибудь золотой портсигар с надписью: «Дорогому и уважаемому Савве Ивановичу,— какому-нибудь,— Морозову от благодарных рабочих» или что-то в этом роде. Я ему говорю: «Не надо мне. Ты мне шпику, сала дай». Конь мой слишком хорош был. Я ему говорю: «Коня какого-нибудь рабочего, мужицкого дай, из упряжных». Потому что я коня-то хотел на границе... тогда была граница между «Вэликой вильной Вкраиной от Карпат аж до самого Кавказу» и РеСеФесеРе. Он мне дал два торбаса со всякой едой, салом, главным образом... Я на границе все это выменял на одежду и коня променял, и карабинчик свой, и все, и часть сала, получил еще свежего хлеба крестьянского. И пешочком, а где с попутными подводами добрался, уж не помню, до Тулы что ли, откуда в товарном вагоне прибыл в Москву.

Я уже говорил, что возвращаясь или на время попадая в Москву из разных приключений военных и штатских, я продолжал изучать зоологию. В мое время в университете все структуры и все преподавание было построено совершенно иначе, чем сейчас. Во-первых, не было этой бешеной специализации и многофакультетности. В сущности, было четыре факультета: медицинский, юридический... Юридический в то же время был общеобразовательным, на него шли люди, которые ничем особенно не интересовались, но им нужен был диплом о высшем образовании для чисто служебных целей. Затем историко-филологический и физико-математический, которые разделялись уже на несколько, немного, отделений. Например, на физико-математическом факультете было астрономо-матема-

Истории Тимофеева-Ресовско-

MAMMAM

ФОНОГРАФ

MAMAMA

тическое отделение, физическое отделение и естественное отделение, в которое входили все науки от химии до антропологии и географии.

На естественном отделении первый курс был общий для всех. И это очень было хорошо. Во-первых, хорошо потому, что всем естественникам давало основы всех основных подразделений естествознания. На первом курсе слушали курс общей физики с малым практикумом, общей химии, общей зоологии, общей ботаники с соответствующими малыми практикумами. И лишь со второго курса начиналась специализация. Биологи разбивались на зоологов и ботани ков. И это было очень удобно. У нас у всех, кто бы мы ни были в дальнейшем: зоологи, ботаники, химики, геологи — было в качестве основы некоторое общее обозрение всех естественных наук, что конечно, очень полезно и хорошо, расширяло кругозор.

Первый курс естественного отделения физико-математического факультета, объединявший много, практически все существующие разделы естествознания (за исключением физики, астрономии и математики) давал возможность поступившим в университет студентам всерьез избрать себе специальность. Потому, что большинство поступающей в вузы молодежи, в сущности, всерьез не знает, чем она, эта молодежь, интересуется. Обычно студенты-первокурсники плохо представляют себе те науки, которые они избрали якобы своей специальностью. Вот первый курс естественного отделения давал без потери времени, а наоборот с большой пользой, возможность сознательно избрать то, чем данный студент заинтересуется.

Наряду с московским, тогда первым Московским государственным университетом еще с 1908 года в Москве существовал очень интересный, так называемый Народный университет имени Шанявского, к которому многие из нас имели отношение, будучи еще гимназистами. Посещать и даже регулярно учиться в университете Шанявского мог каждый без предъявления каких-то документов, скажем, аттестата эрелости. Это был действительно свободный университет, и он состоял, в сущности, из трех, что ли, учреждений, секторов.

Во-первых, из сектора, устраивавшего эпизодические публичные научнопопулярные или даже научно-специальные лекции тех или иных интересных или крупных ученых самых различных специальностей: от искусствоведения до математики. Второй сектор представлял из себя циклы научных лекций по определенным, различным, как гуманитарным, так и естественно-научным дисциплинам. Например, Раков, Градов, Тренев читали очень интересные циклы лекций по истории живописи, архитектуры, скульптуры — изобразительных искусств. Василенко, довольно крупный композитор конца XIX — начала XX века, читал очень интересный курс всеобщей истории музыки и музыкальных инструментов. Затем целый ряд литературоведов, филологов и естественников читали маленькие или более крупные курсы по своим специальностям. Например, знаменитый в свое время, да и до сих пор считающийся классиком петербургский профессор Кравков, экспериментальный фармаколог и химик, читал интереснейший курс теоретических основ фармакологии. Т. е. курсы были от астрономии почти до гастрономии. И, наконец, третий сектор, основной — это университет, построенный по университетскому типу, с несколькими факультетами, где читались примерно в пределах университетских программ курсы разных гуманитарных и естественно-исторических дисциплин.

Многие из этих курсов были очень интересны... по очень странной причине, подтверждающей старую поговорку: «Нет худа без добра». Как известно, в 1911 году знаменитый, нервозный, довольно реакционный и не особенно умный министр Кассо рядом своих нелепых распоряжений и попыток активного вмешательства в дела средней и высшей школы спровоцировал, так сказать, защитную реакцию профессоров и преподавателей Московского университета, в результате чего он уволил тогдашнего декана физико-математического факультета профессора Михаила Александровича Мензбира, зоолога знаменитого, и вызвал уход из Московского университета большой группы, более ста человек, лучших и крупнейших профессоров, доцентов и ассистентов университета.

Я сказал, что это подтверждает «нет худа без добра». Добром этой акции явился, во-первых, совершенно небывалый в истории высших учебных заведений расцвет Московских высших женских курсов, потому что большая группа университетской профессуры и доцентуры ушла туда, некоторые на московские высшие Глицинские сельскохозяйственные женские курсы, так называемые Глицинские курсы. Обогатилась и Петровско-Разумовская академия, ныне Тимирязевская, и расцвел университет Шанявского. Многие крупные университетские ученые получили там совершенно новые, интереснейшие возможности развития и перестройки своих курсов и своих лабораторий.

В частности, мой учитель, Николай Константинович Кольцов, очень замечательный зоолог и экспериментальный биолог русский, в университете Шанявского организовал первую в России, в Европе, а, пожалуй и во всем мире, специальную кафедру и лабораторию экспериментальной биологии *. Вокруг нее собралась группа очень талантливой молодежи, с помощью которой он создал первую в России школу экспериментальной биологии, давшую впоследствии большое количество крупных ученых, уже после революции, в свою очередь, ставших крупными профессорами, создателями своих школ. После революции, кстати, большинство ушедших в одиннадцатом году из университета ученых вернулось в той или иной форме в Московский университет, в том числе и Михаил Александрович Мензбир, и Кольцов, и многие другие...

Так вот, я это говорю к тому, что часть из нас, тогдашней молодежи студенческого возраста и состояния использовали, по мере возможности, и этот университет Шанявского. Лично я увлекался с юных лет историей искусства в широком смысле слова: я слушал у Василенко историю музыки, у Грабаря, у Муратова, у Тренева — историю изобразительных искусств, слушал целый ряд эпизодических лекций, в частности, лекции по фармакологии и иммунологии профессора Кравкова, даже не подозревая, что через тридцать лет они очень мне пригодятся в моей научной работе, посвященной совершенно иным, не фармакологическим и не иммунологическим проблемам.

Из зоологов в Московском университете моими главными учителями были Михаил Александрович Мензбир, Николай Константинович Кольцов и их уже ученики, более молодое поколение: Сергей Сергеевич Четвериков, Борис Степанович Матвеев, Сергей Николаевич Скадовский и еще несколько чело-

век.
По зоологии были тогда поставлены в Московском университете два совершенно образцовых, значительных, больших практикума. Это, в первую голову, двухгодичный большой зоологический практикум по беспозвоночным Кольцова и одногодичный практикум по сравнительной анатомии позвоночных животных при кафедре Северцова. Вел этот практикум Борис Степанович Матвеев. Практикум кольцовский по зоологии главным образом вел Григорий Иосифович Роскин, один из основных сотрудников Кольцова еще по университету Шанявского, его ученик и крупный цитолог и гистолог.

Особенно интересно был поставлен большой практикум Кольцова. Стержнем практикума было изучение не только типов, но всех классов беспозвоночных, начиная с простейших, одноклеточных, и кончая, так сказать, переходом к позвоночным — оболочниками. Работа была построена очень интересно и очень правильно. Практикум был круглосуточный. Ключ от лаборатории хранился в условленном месте, и к нему в любое время имел доступ староста группы или его заместитель. Я сам был в течение года старостой большого практикума, поэтому эти дела знаю хорошо. И, действительно, несмотря на то, что в Москве было холодно, голодно, единственным транспортом были только собственные ноги, мы все, «большие практиканты» Кольцова работали очень много, потому что ежели мы днем должны были работать или заниматься какими-нибудь другими делами, то мы работали ночью. Теперешних рассуждений, что «ах, мальчики и девочки могут устать, переутомиться», и что-то вредно, а что-то полезно, у нас, конечно, не было. Мы были молодые, нормальные люди.

Григорий Иосифович Роскин каждую неделю в четверг нас проверял... Человек нас было так от пятнадцати до двадцати, в основном, мужеского пола, тогда только начали появляться девчонки в университете. И задавал материал на следующую неделю или на две недели иногда. И очень следил за тем, чтобы мы не запускали материал. А мы должны были готовить все препараты сами. У нас была прекрасная демонстрационная коллекция и микроскопических препаратов по всем группам, и беспозвоночных у Николая Константиновича Кольцова. Он массу всего сам сделал на разных морских и пресноводных биологических станциях. Кроме того, мы сами целый ряд экспериментов должны были проводить. Например, разводить несколько видов инфузорий, амеб и кое-каких других корненожек, должны были жгутиковых разводить в культурах у себя, должны были наблюсти, зафиксировать и окрасить все стадии деления у этих простейших, а у инфузорий все основные стадии конъюгации **. Это очень важная вещь, чему сейчас, к сожалению, недостаточно учат, и многие молодые биологи оказываются на первое время довольно ограниченными в своих привычках и навыках в обращении с живым биологи-

Дальше мы должны были по всем основным типам и классам животных

Истории Тимофеева-Ресовского...

Рассказ о Кольцове — «Просветитель эпохи изоляции» см.: Человек. 1991. № 2.— Ред.

Конъюгация у инфузорий — временное слияние для обмена генетическим материалом. — Ред.

209

MAMAMA

ФОНОГРАФ

MAMMAMA

О курсах Николая Константиновича Кольцова см. также: Человек. 1991. № 2.— *Ред.*

опять-таки готовить свои препараты. У каждого из нас скапливалась большая собственная коллекция препаратов. Многое мы делали и для лаборатории, так что материал в лаборатории постепенно рос и приумножался, что было существенно, потому что росло и число студентов на большом практикуме. Но самым интересным и важным было окружение.

При большом практикуме читалось несколько специальных курсов, часть из которых сопровождались специальными практикумами. Дмитрий Петрович Филатов, замечательный наш экспериментальный эмбриолог, читал курс экспериментальной эмбриологии с практикумом, в котором мы, по возможности, проделывали самые простые эксперименты на дробящихся яйцах и зародышах лягушек, аксолотлей, тритонов.

Сергей Николаевич Скадовский читал нам курс гидрофизиологии с практикумом, в котором мы проходили основные формы планктона, обучались измерять состав воды и т. д.

Затем Софья Леонидовна Фролова, замечательный цитолог из первой гвардии цитологов и кариологов нашего отечества, и Петр Иванович Живаго читали нам курсы цитологии и кариологии с соответствующими практикумами, где мы учились красить и считать хромосомы на удобных объектах. Наверное, я что-нибудь забыл, но и перечисленного мною совершенно достаточно.

Да! Сергей Сергеевич Четвериков читал в связи с большим практикумом интереснейший курс, который назывался «Курс экспериментальной эволюции или экспериментальной систематики». Это, в сущности, была комбинация курсов биологии и генетики, с основами теоретической систематики. Это был очень интересный курс, который повлиял на дальнейшую работу и научную жизнь некоторых из нас в очень значительной степени.

При практикуме по сравнительной анатомии позвоночных Борис Степанович Матвеев читал очень интересный курс с демонстрационным практикумом по органогенезу, собственно, по специальной эмбриологии, по развитию отдельных систем органов у позвоночных. Владимир Викторович Васнецов читал интересный курс основ сравнительной анатомии и систематики рыб. И ряд преподавателей вели в связи с обоими практикумами: и матвеевским, и кольцовско-роскинским — курс по определению позвоночных животных *.

Как видите, зоологии нас учили основательно. До того основательно, что в дальнейшем ни в преподавании, ни в научной работе своей, ни в чем не имея никакого дела со сравнительной анатомией позвоночных и, в частности, с центральной нервной системой оных, я до сих пор могу наизусть перечислить все черепные нервы позвоночных, в артериальных и венозных системах могу перечислить основные вены и артерии и группы, у которых они впервые появились или исчезли в процессе эволюции. Чего кончающие сейчас биофак зоологи, обыкновенно, совершенно не знают. Не то что забыли, а просто никогда и не знали. А нас этому учили и выучили так хорошо, что мы на всю жизнь это помним.

Из ботаников мне ближе всех был Голенкин. Он считался скучным профессором, читал лекции не блестяще, далеко было ему не только до Кольцова, но и до своих коллег. Но он был прекрасным ботаником, прекрасным морфологом и систематиком высших растений и прекрасным, умным эволюционистом классического времени и классического направления. Его ботанические лекции были поэтому для тех, кто интересовался сутью дела, почти всегда интересны.

В Московском университете тогда общую ботанику на первом курсе читал Лев Мелхиседекович Кречетович. Как исследователь он был никто. Но он был златоуст. И мы потом смеялись, что два златоуста для первокурсников: химик Александр Николаевич Реформатский, который тоже завлекательные лекции читал, и вот Лев Мелхиседекович Кречетович, который столь же завлекательные лекции читал по общей ботанике, распределили на две группы хлынувших в университет девиц. Половина увлеклась Реформатским и пошла в химики, другая половина увлеклась Кречетовичем и пошла в ботанику, что довольно сильно впоследствии повредило этим двум научным дисциплинам. Вот. В известной мере, это действительно было так. Надо сказать, что увлекательность лекций Кольцова стояла на другом уже уровне, более высоком, а не для только что появившихся в аудиториях девиц.

Совершенно замечательными были лекции старейшины русской зоологии тех времен Михаила Александровича Мензбира. И я счастлив, что я их прослушал, в особенности его курс зоогеографии. Он был лектором-классиком по классическим проблемам зоологии. Когда мы слушали его курс исторической зоогеографии, у нас было впечатление, что мы сидим в аудитории дарвиновских времен и читает Дарвин, или Хаксли, или кто-нибудь из тогдашних больших

Истории Тимофеева-Ресовского...

классиков. Он был, может быть, не столь блестящий, но столь же вдумчивый, умелый и умный лектор, как Николай Константинович Кольцов. Читал он немножко суховато, за исключением тех лекций, которые сам особенно любил и которые любили все русские зоологи. Это были, сколько помнится, две-три лекции о миграциях различных животных и, в особенности, о миграциях птиц. После революции, когда появилось уже железнодорожное движение в Советской России, стали ходить поезда, не только с товарными вагонами, а и с пассажирскими, и стали ходить очень точно по расписанию, точнее, чем сейчас в целом ряде случаев, на эти лекции съезжались на одну неделю в Москву слушать Мензбира все его старые ученики, профессора из Казани, Киева, Харькова, Одессы, из Петрограда, тогда уже не Петербурга, а Петрограда, из новенького Пермского университета, из Саратовского, иногда даже из Иркутского и Томского... Одним словом, все, кто мог, со всей России съезжались слушать Мензбира. Читал он в старенькой аудитории Высших женских курсов в Мерзляках. В эту аудиторию тогда со всего здания притаскивали стулья, сколько возможно, рассаживались и на подоконниках, и на ступеньках аудитории. Все было полно. Так читал Мензбир.

Очень интересными были лекции по общему курсу геологии Алексея Петровича Павлова. Я считаю большой бедой и глупостью, что уже давно кончают десятки тысяч наших молодых людей биофаки различные, не имея даже отдаленного представления о геологии. Этим самым значительная часть эволюционной биологии теряет конкретный смысл. Ну и палеонтологию, конечно, сейчас тоже биологи не изучают. Алексей Петрович Павлов каждый год группу студентов с общего практикума уводил на экскурсии в Подмосковье. Нам, не геологам, показывали, как выглядит геология в поле. Это тоже очень важно.

Наконец, не могу не вспомнить Марию Васильевну Павлову. Это, действительно, палеонтолог-классик, супруга Алексея Петровича Павлова. Знаменитые ее работы по эволюционной истории лошадей и еще несколько таких классических филогенетических исследований на позвоночных, в основном. Мария Васильевна была замечательный человек, добрейшей души.

В мое время она уже была глуха почти совсем. С увлечением читала нам палеонтологию и эти камешки всякие, окаменелости показывала, и мы очень ее уважали, а экзамены принимала группами. Рассаживались мы в маленькой аудитории какой-нибудь, и экзамен протекал следующим образом. Во-первых, группа по тем временам роскошно складывалась. Кроме того, всегда в группе находился какой-нибудь стрекулист, у которого был блат где-нибудь ободрать в Ботаническом саду какие-нибудь оранжереи. Одним словом, мы всегда готовили Марии Васильевне роскошный букет. Заворачивали в белую полупапиросную бумагу. которую тоже где-то кто-то доставал, и этот букет перед экзаменом на подоконнике ставился и так прикрывался газетой, чтобы Мария Васильевна видела, что там все-таки букет ей приготовлен. И она уже немножко, так сказать, пускала слезу и, вообще, в растроганном виде начинала экзамен. Так как она была глуха, то брались несколько книг палеонтологических. Она когонибудь вызывает, задает вопрос, обыкновенно, неглупый и очень общий вопрос. Тогда дежурный по книгам быстро находит нужный ответ и довольно громко, но однообразным таким, скучным голосом говорит. А спрашиваемый, около нее стоящий, кричит ей в ухо то же самое. Благодаря этому методу все сдавали блестяще, на сплошные пятерки. Мария Васильевна была страшно довольна и уже совсем растрогана. Когда я слушал, а потом сдавал ее курс, я в группе был вроде старосты. Ну и потому, что я немножко так умел дамам ручку поцеловать, моя обязанность потом была развернуть этот букет, поднести Марии Васильевне, поцеловать ей ручку по всем правилам искусства. Тогда Мария Васильевна совсем вся была мокрая, в слезах и в мокром виде меня облапывала и целовала тоже. Вот как это происходило. Видите, всякие были учителя и всякие способы учиться.

(Продолжение следует)

Материал подготовлен М. В. РАДЗИШЕВСКОЙ.